

Министерство образования и науки Российской Федерации
Омский государственный педагогический университет
Сибирский региональный вузовский центр по фольклору на базе ОмГПУ
Фольклорная комиссия вузов России

Народная культура Сибири

*Материалы XXII научно-практического семинара
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору*

Омск

Издательство ОмГПУ

2014

ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Н57

Печатается по решению редакционно-издательского совета Омского государственного педагогического университета

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук, проф. *Т. Г. Леонова* (отв. редактор);
докт. филол. наук, проф. *Н. К. Козлова*;
канд. филол. наук, доц. *В. А. Москвина*;
докт. филол. наук, проф. *Н. Н. Щербакова*.

Н57

Народная культура Сибири: Материалы XXII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. – 264 с.

ISBN 978-5-8268-1869-5

В данном сборнике публикуются информация о XXII научно-практическом семинаре Сибирского РВЦ по фольклору и тексты докладов, сообщений или написанные на их основе статьи.

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-8268-1869-5

- © Коллектив авторов, 2014
- © Омский государственный педагогический университет, 2014
- © Фото на обложке Н. К. Козловой, 2014

нет, то это им, то другое не ладно, поспробуй угоди. Одного, другого похоронила... все трое там уже давно лежат, и пускай лежат, а я ещё баба, а мне ещё только 41 год!» – потом опомнилась и поправила себя: «91 год». Я не стала уточнять, что с марта 2013 г. ей пошёл уже 93 год...

1 Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб, 2004.

2 Малахова Е. П. Представления о внебрачных детях в устной традиции белорусских переселенцев // Вопросы фольклора и литературы. Омск, 2010. С. 19–21.

Т. В. Дайнеко, Е. И. Исмаилова, Н. В. Леонова

Фольклорные традиции чувашских, белорусских и мордовских переселенцев Томской области (по материалам экспедиции 2013 г.)

30 сентября – 6 октября 2013 г. состоялась комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция в Томскую область. Финансирование экспедиции осуществлялось за счёт средств, полученных по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. и по гранту РГНФ № 13-04-00123 «Свадебная обрядность мордвы Сибири: опыт комплексного исследования процессов адаптации и трансформации». Участники экспедиции: кандидат искусствоведения, профессор Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки Наталья Владимировна Леонова; представители сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН: кандидат искусствоведения, научный сотрудник Екатерина Исмаилова (руководитель экспедиции), ведущий инженер, аспирант Татьяна Дайнеко; а также кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея Мария Овчарова. Маршрут экспедиции был проложен через сёла Песочно-Дубровка, Терсалгай и Новоуспенка Кожевниковского района, сёла Мельниково, Маркелово, Анастасьевка, Монастырка Шегарского района, сёла Фи-

лимоновка, Старо-Кусково Асиновского района и город Асино. Цель экспедиции – собрать историко-этнографическую информацию о проживающих в указанных районах представителях мордовского, чувашского и белорусского этносов, а также записать сохранившиеся в их памяти образцы традиционного фольклора. Последние предполагается использовать при подготовке очередных томов (чувашского и второй части белорусского) академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Историко-социологическая ситуация. В результате осуществлённого в конце 1960-х – в 1970-е гг. укрупнения населённых пунктов практически прекратилось существование целого ряда малых деревень и сёл Томской области, которые были местами компактного расселения мордвы, чувашей и белорусов (например, Михайловка и Ильинка Шегарского района были белорусскими сёлами, Дубровинка того же района – чисто мордовским селом). Кроме того, многие представители старшего поколения умерли, другие были увезены их детьми в города. Такая ситуация сложилась, например, в с. Монастырка Шегарского района, где некогда проживало большое число белорусских семей, а сейчас их не стало. В результате этих процессов и мордва, и белорусы, и чувашаи оказались рассеяны. Это, во-первых, значительно затрудняет сбор фольклорно-этнографической информации в настоящее время; во-вторых, способствует дальнейшей ассимиляции этносов.

Чуваши. С представителями чувашского этноса участникам экспедиции удалось встретиться в населённых пунктах Кожевниковского (сёла Терсалгай, Песочно-Дубровка, Новоуспенка) и Асиновского (сёла Филимоновка, Старо-Кусково) районов Томской области. В процессе общения с чувашами стало очевидно, что местная фольклорная традиция неоднородна как по времени своего формирования, так и по территории выхода переселенцев. Мы выяснили, что чувашаи приезжали в Томскую область из разных районов Чувашии: Вурнарского, Ибресинского, Комсомольского (центральная часть Чувашии), Батыревского (южная часть), Красночетайского района (западная часть). Время и обстоятельства появления чувашей в Томской области также были различными. Первая волна чувашских переселенцев на обследованную

нами территорию относится к 1920-м гг., времени наиболее массового притока в Сибирь чувашей, уезжавших на сибирские просторы от малоземелья своей родины. Другая группа чувашей обосновалась в Томской области в 1950–1970-е гг. в связи с освоением целинных земель, развитием животноводческих хозяйств. В сёлах Кожевниковского района появление большого числа чувашей связано с деятельностью председателя Песочно-Дубровского колхоза Николая Иннокентьевича Гурьева (сибирского чуваша из Кольванского района Новосибирской области), который приглашал своих соплеменников из Чувашии жить и трудиться в сибирских сёлах. В процессе работы экспедиции выяснилось, что фольклорный опыт, уровень сохранности родных традиций и включённость в сибирскую культурную среду у чувашских представителей разных периодов заселения Томской области различны.

Чуваши 1930-х г.р., родившиеся в Сибири и потому считающие себя сибирскими чувашами, помнят живое бытование родной традиции, могут сообщить много этнографической информации и вспомнить отдельные образцы традиционного чувашского фольклора. Участникам экспедиции удалось пообщаться с подобной носительницей традиции – жительницей села Филимоновка Асиновского района Еленой Андреевной Емельяновой (1933 г. р.). Родилась она в ныне не существующей д. Березовка (Асиновский район), которую населяли чувашаи, русские и белорусы; родители, по её словам, приехали «с Чебоксар» в 1921 г. По рассказам этой исполнительницы, в её родной деревне достаточно крепко сохранялись чувашские бытовые и праздничные традиции («Все праздники от и до праздновали»). Пожалуй, наиболее необычно выглядит рассказ исполнительницы о чувашском свадебном обряде: во время сватания невесты с помощью бумажных украшений наряжали ёлку, затем эту ёлку катали по деревне вместе с просватанной невестой, наряженная ёлка стояла в избе во время свадебного пира. Однако представленное Е. А. Емельяновой поколение 1930-х г. р. уже не пело традиционные чувашские песни, сохранились лишь воспоминания о звучании этих песен на праздниках. От Е. А. Емельяновой удалось записать фрагмент традиционной чувашской песни «Хурă вӑрман», которую пела её мама, и несколько частушек на чувашском языке.

Показательно взаимодействие традиций переселенческих этносов в д. Березовка: по воспоминаниям Е. А. Емельяновой, все жители деревни говорили и по-русски, и по-чуваши, все жили очень дружно, чуваша с интересом прислушивались к тому, что и как поют русские и белорусы (выходцы из Могилевской губернии) и даже учили их песни («*Чуваши? Русские песни? А как не пели?! Все пели!*»). Е. А. Емельянова уверенно воспроизвела народные песни поздней традиции «Не вейтеся, чайки, над морем», «Отец мой был природный пахарь», балладу «У родимой мамыньки дочь была одна», фрагмент белорусской, по утверждению исполнительницы, песни «Течёт речка по песочку».

Традиционные чувашские песни были также записаны от самой старшей из опрошенных нами исполнителей, жительницы с. Новоуспенка Кожевниковского района Екатерины Анисимовны Орлановой (1927 г. р.), приехавшей в Сибирь в числе переселенцев так называемой поздней волны (в 1961 г.). Она владеет чувашским песенным репертуаром, сохранившимся в её памяти ещё со времени жизни в Чувашии. От неё записаны частушки на чувашском языке и несколько образцов гостевых песен. Одну из последних нам удалось записать в живой естественной ситуации: провожальную гостевую песню Е. А. Орланова спела по собственной инициативе, когда провожала нас, её гостей, из дома за ворота.

От более молодых представителей чувашского этноса, приехавших из Чувашии во время поздней волны переселения, — жительниц сёл Кожевниковского района Евы Даниловны Сергеевой (1941 г. р.), Лидии Васильевны Тихомировой (1943 г. р.), Светланы Васильевны Пауль (1953 г. р.), Валентины Соломоновны Исаковой (1958 г. р.) также были записаны единичные образцы традиционного песенного чувашского фольклора (гостевые песни, свадебная песня). Однако эти исполнительницы с большим удовольствием поют авторские песни XX в. (на чувашском языке), поздние песни русской фольклорной традиции, переведённые на чувашский язык (например, «Шумел камыш»), а также довольно много частушек. Жительница с. Песочно-Дубровка Зоя Дмитриевна Почувалова (1952 г. р., в Томской области живет с 1971 г.) исполнила несколько традиционных чувашских песен, выученных ею ещё в Чувашии (песни о родных, гостевые песни о ласточке, о кукушке «Вёс, вёс, куккук»). Песни принадлежат традиции вер-

ховых чувашей (*вирьял*), крайне мало распространённой в Сибири. Песни были исполнены уверенно, однако вряд ли их можно отнести к фольклору именно сибирских чувашей, поскольку в Сибири эти песни практически не звучали, пассивно сохраняясь лишь в памяти исполнительницы.

Выходцы из Чувашии, переселившиеся в Сибирь начиная с 1950-х гг., значительно меньше соблюдали чувашские обычаи, чем чувашаи, которые родились в Сибири и считают себя кореными сибиряками.

Белорусы – одна из распространённых в Томской области этнических славянских групп. Большая часть этнических белорусов Томской области относится к поздним сибирским переселенцам, меньшая – это потомки переселившихся по столыпинской реформе. Судя по данным переписей населения, идёт уменьшение численности этнических белорусов на исследуемой территории. Если в 1959 г. в Томской области насчитывалось 9872 чел. данного этноса, то в 2010 г. – 3336 чел. (1,32 % и 0,32 % от общей численности населения области соответственно). Однако следует учитывать, что в реальности на территории Томской области проживало и, вероятно, проживает в настоящее время значительно больше белорусов, чем это зафиксировано в официальных документах. Во-первых, в переписях 2000-х гг. информация о национальности стала факультативной (поэтому численность населения и проценты даются от числа указавших национальность). Графа «национальность» также перестала быть обязательной в паспорте. Во-вторых, это объясняется фактом, известным собирателям фольклора: живущие длительное время в русском окружении белорусы начинают считать себя русскими, детей в документах регистрируют тоже как русских. Например, один из информантов – Александр Демьянович Барщевский на вопрос о национальности ответил: «*А Бог его знает, пишуь русским, а так родители откуда-то из Белоруссии...*» (с. Анастасьевка Шегарского района).

Во время экспедиции состоялись беседы с тремя представителями белорусской национальности. В с. Монастырка Шегарского района – с Сазоновой Антониной Фёдоровной 1931 г.р., в с. Анастасьевка того же района – с Барщевской Людмилой Константиновной 1941 г.р. и в с. Филимоновка Асиновского района – с Григорьевой Галиной Фёдоровной 1953 г.р. Все они являются

потомками белорусов-переселенцев, детство и юность провели в малых деревнях, где проживало значительное число этнических белорусов. Судя по их рассказам, в 1950–1960-е гг. в быту белорусы активно использовали родной язык – характерная лексика и особенности произношения хорошо сохранились в речи информантов. Так, это ярко проявляется у Л. К. Барщевской: она использует такие слова, как *хустка*, *хустачка* – «платок», *спадница* – «юбка» и др.; белорусские корни читаются в фонетическом строе её речи – например, фрикативном «г», типично белорусских глагольных окончаниях и пр. По свидетельству всех информантов, хорошо сохранялись особенности быта: использовались вышитые полотенца, наволочки, самотканые половики, глиняная и деревянная посуда и т. п. Так, Л. К. Барщевская рассказала о том, как ставили тесто в специальной посудине – *квашне* и, используя деревянные инструменты (в том числе *лопыри*), выпекали хлеб в русской печи. Все отмечали, что очень часто готовились блюда национальной кухни, в частности *драники*. Г. Ф. Григорьева вспоминала, что дети делали себе тряпичных кукол; предназначены они были для игры и не несли обрядовых функций.

Песенный белорусский репертуар, по словам информантов, активно бытовал в 1950–1960-е гг. К сожалению, песни никто из информантов исполнить не смог, поэтому нам пришлось довольствоваться лишь рассказами о них. Белорусы считались первыми «певунами» в деревне. Все информанты отмечают, что пели они громко («*Ой, как гаркнут, как рявкнут*» – замечание мужа Г. Ф. Григорьевой Николая Константиновича, этнического чуваша), на много голосов, стройно, красиво. Белорусские песни очень нравились представителям других этносов, и в многонациональных сёлах происходило взаимное освоение репертуара. Е. А. Емельянова, чувашка, рассказала, что её сестра выучила все песни белорусов и пела вместе с ними на белорусском языке (д. Березовка Асиновского района – ныне не существует).

Календарно-обрядовый фольклор был представлен рождественскими и новогодними обходными песнями, в том числе песнями-посеваниями. На святки молодежь снимала дом и устраивала *вечёрки-складчины* с пением песен, играми. Во время масленичных гуляний строили большие качели с деревянными жердями

вместо верёвок. Особые масленичные песни в памяти информантов не сохранились. Обходы домов происходили и на Пасху – с пением *волочебных* песен. Пения веснянок информанты не помнят, но отмечают, что весной дети выходили на улицу, на поле с испечёнными *жворонками*. В тёплое время года в свободное от работы время молодёжь устраивала уличные гуляния (Г. Ф. Григорьева: «*под большой черёмухой*», «*но меня не пускали туда, маленькая ещё была*»). Пели песни, частушки, плясали под гармонь. Муж Григорьевой – Николай Константинович рассказывал о ночных гуляниях парней с пением частушек (в том числе «хулиганских», «неприличных») под гармонь, при этом в компании были парни разных национальностей, в том числе белорусы. Информанты не вспомнили песен, приуроченных к каким-либо осенним работам. Однако отмечали, что на поле и с поля всегда шли с песнями – очевидно, лирическими, относящимися к традиции позднего формирования.

С *мордовскими* переселенцами наши дороги пересеклись в Кожевниковском и Шегарском районах. В д. Успенка (Новоуспенка) Кожевниковского района мы побеседовали с М. С. Блясовым 1929 г. р. Он себя считает русским, мордовского языка не знает, хотя говорит, что родители приехали «с *Саранска*». Наш этнограф Мария Овчарова изобретательно «выуживала» из Михаила Сергеевича информацию об обстоятельствах его жизни, о материальной культуре, в частности о строительстве домов. Увы, мордовских песен он не знает.

В с. Маркелово Шегарского района мордовскую линию нашей экспедиции продолжили уроженки маленькой, ныне не существующей деревни Дубровинка сёстры Осипкины (это их девичья фамилия) – Мария Ивановна 1935 г. р. и Лидия Ивановна 1941 г. р. Они считают себя единственными представителями мордвы в Маркелово. Это мнение держится на том, что кроме них здесь никто на мордовском языке уже не разговаривает. Сёстры знают о своей принадлежности к мордве *эрзя*, в их памяти сохранилось довольно много интересных сведений о старом укладе жизни, обычаях, о праздниках, что были раньше. Мы, музыковеды, в очередной раз позавидовали этнографам, материал для которых находился в каждом доме. В разговоре о фольклорных тради-

циях приходилось довольствоваться только самыми общими сведениями: к примеру, о том, что на Рождество устраивались гулянки, на которых пели и плясали. «*Старые люди на Рождество что-то пели, а мы это уже не помним. У нас этого не было. Нам некогда было...*» Рассказывают, что во времена их молодости в сёла и деревни стали привозить кино, молодёжь собиралась в клубе, там танцевали под музыку (играли на музыкальных инструментах). Традиционных молодёжных гуляний на улице уже не было. В их родной Дубровинке песни и частушки пели по-русски.

Здесь же, в с. Маркелово, мы беседовали с Антониной Трофимовной Рыбалкиной 1931 г. р. Подтверждая мнение сестёр Осипкиных, она рассказала, что совсем не знает мордовского языка, т. е. не только не говорит на нём, но даже и не понимает его. Как и М. С. Блясов, Антонина Трофимовна выросла в смешанной семье: у него – русская мать, у неё – русский отец. Очевидно, это обстоятельство затрудняло бытование мордовского языка и способствовало исчезновению элементов традиционной культуры мордвы даже из домашней среды.

Итоги. По-видимому, сейчас справедливо можно говорить о стремительном исчезновении из живого бытования фольклорных традиций в Томской области. Особенно непростая ситуация сложилась здесь с белорусскими и мордовскими песнями. Поэтому перед собирателями и исследователями фольклора стоит задача как можно скорее записать всё, что ещё можно зафиксировать. В ближайшем будущем мы запланировали посещение переселившихся в г. Томск информантов преклонного возраста – этнических белорусов и, по возможности, поиск информантов в других районах области. Также планируется установление контактов и обмен материалами с Национальной культурной автономией белорусов Томска.

В то же время описанный сбор фольклорно-этнографической информации от чувашей Томской области является лишь первым шагом в этом направлении. Есть основания полагать, что ещё можно зафиксировать образцы чувашского традиционного фольклора в других населённых пунктах Томской области (в частности, в Томском и Зырянском районах), куда участникам экспедиции пока не удалось попасть.